

Хохлов Владимир Сергеевич,
старший научный сотрудник
Научно-исследовательского института
(военной истории) Военной академии
Генерального штаба Вооружённых Сил
Российской Федерации,
к.и.н., член Союза писателей России,
полковник запаса

По мнению маршала войск связи И. Т. Пересыпкина, «нередко сеть связи сравнивают с нервами живого организма. Линии, составляющие ее основу, соединяют между собой различные органы и пункты управления аналогично тому, как нервные волокна соединяют все ткани и органы живого организма. Нарушение в какой-либо точке нервного волокна его физиологической непрерывности немедленно приводит к нарушению нормальной деятельности организма. То же самое происходит и в связи. Прекращение или ее перерыв на каком-то направлении неизбежно ведет к нарушению управления войсками, что в боевой обстановке бывает чревато тяжелыми последствиями».

Именно это и произошло с войсками Западного фронта в начальный период Великой Отечественной войны.

За первые 17 дней войны потери в ходе приграничных боев в Белоруссии составили 417 729 солдат и офицеров, в том числе 341 012 человек безвозвратно. Из 44 дивизий 24 были разгромлены полностью, остальные 20 потеряли от 30 до 90% сил и средств. Фронт потерял 738 самолетов, из них 528 — на земле, что составляет 41% от общего их чис-

Когда нервы не в порядке... Некоторые вопросы управления войсками Западного фронта: к 75-летию начала Великой Отечественной войны

ла. Также были потеряны 32 склада с горючим из 45, что позволило немцам около одной трети расхода горючего покрывать этими трофеями. За первые две недели в полосе фронта было уничтожено, оставлено противнику и взорвано им 6700 вагонов боеприпасов: 14,3 млн. винтовочных патронов, 510 тыс. снарядов к 45-мм пушке, 251 тыс. снарядов к 76-мм пушке, 155 тыс. снарядов к 122-мм гаубице, 130 тыс. снарядов к 152-мм гаубице. Для любителей статистики: в среднем за месяц боевых действий фронт расходовал 1000–1400 вагонов, боекомплект танка Т-34–77 снарядов калибра 76 мм. К этому следует добавить, что противнику досталось и 50–60% неприкосновенных запасов вещевого имущества.

Это привело к острому недостатку боеприпасов, горючего и продовольствия в частях и соединениях, тем более что промышленность в тот период была не в состоянии покрыть резко возросшие потребности армии.

Вследствие больших потерь к 10 июля многие дивизии были укомплектованы личным составом и военной техникой всего на 10–30%. Фронт оказался не в состоянии остановить врага и обеспечить необходимое время для полного сосредоточения и развертывания стратегических резервов и создания устойчивого фронта обороны. Противник к 10 июля продвинулся на западном направлении на глубину до 450–600 км, захватил почти всю Белоруссию и создал угрозу прорыва с ходу на Смоленск и далее к Москве.

С начала войны на протяжении всей послевоенной истории СССР и постсоветского времени политические деятели, военачальники, участники Великой Отечественной войны, издания — от школьного учебника до толстых монографий, а также эфир устами маститых и уважаемых пытались объяснить причины этой памят-

ной и горестной трагедии, случившейся 75 лет назад. Анализ этих материалов показывает, что их авторы основные причины неудач и поражений Красной Армии в этот период, как правило, сводят к следующим факторам:

- внезапное и вероломное нападение вследствие отсутствия прогноза времени нападения Германии, веры Сталина в то, что Гитлер не посмеет напасть на СССР, нарушив пакт о ненападении, а также устаревшее мнение, что война начнется после предъявления ультиматума, ноты с претензиями и требованиями до ее официального объявления;
- отсутствие реальных данных по вине плохой разведки (а ведь она предупреждала, Зорге и Черчилль предупреждали, а Сталин не прислушался);
- количественное и качественное военное превосходство агрессора;
- несвоевременное поднятие по тревоге и приведение в боеготовность дивизий и армий прикрытия границы;
- стратегические просчеты в оценке противника (место главной группировки и направление главного удара);
- неподготовленность страны к войне;
- репрессии и истребление части командного состава в 1937–1938 гг.;
- до 90-х годов XX века одной из главных причин считалась потеря связи, а после — потеря управления;
- отступление вглубь страны — это заранее задуманное планомерное отступление с переходом в победоносное контрнаступление;
- утрата громадной территории и огромные потери личного состава (особенно пленными) и боевой техники — результат пассивного сопротивления народа, не желавшего сражаться за социалистическое государство;

- заговор генералов и предательство командования Западного фронта;
- намерение СССР нанести превентивный удар по Германии, но Гитлер опередил Сталина и застал его врасплох.

Отдельными авторами указываются и другие причины и обстоятельства, при этом их градация зависит от симпатий и антипатий к И. В. Сталину, политических пристрастий и спекуляций, что, вполне естественно, не способствует, а мешает выявлению истины. При этом приводились различные цифры и данные по соотношению сил и средств, количеству оружия и военной техники противоборствующих сторон.

Трагедия лета 1941 г. стала следствием серии стратегических ошибок советского руководства в политической, военной и экономической сферах. Автор не ставит цель их анализировать, он это уже делал в своем труде «От шахтера до наркома и маршала» в 2010 году. Тем более «война, по мнению французского и русского генерала Генриха Жомини, — это великая драма, в которой, с большей или меньшей силой, действуют тысячи нравственных и физических причин, и которую невозможно подчинить никаким математическим расчетам». Поэтому пытаться дать простые ответы на сложные вопросы о причинах катастрофы, объяснить ее одним или несколькими факторами — не будем, а остановимся лишь на некоторых вопросах организации управления Западного особого военного округа (с 22 июня 1941 г. Западного фронта) в предвоенные годы и с началом боевых действий.

Под управлением войсками фронта накануне войны понималось постоянное воздействие командующего, штаба и других органов полевого управления фронта на организацию, ход и исход операции. «Управлять боем — это значит твердо держать в своих руках ход событий, подчинять своей воле и удерживать за собой инициативу действий» — так официально определялся военно-управленческий процесс в предвоенные годы.

В ходе войны сущность управления войсками фронтов выражалась в целенаправленной дея-

тельности командующих, штабов, политических и других органов, основанной на творческом использовании принципов военного искусства, законов и закономерностей вооруженной борьбы. Основным содержанием этой деятельности при подготовке операций являлись добывание, изучение и анализ данных обстановки, принятие решения на операцию, планирование боевых действий, доведение боевых задач до подчиненных командиров, организация взаимодействия, непрерывного управления и всестороннего обеспечения операции.

Западный особый военный округ (ЗапОВО) прикрывал направление на участке от южной границы Литовской ССР до северной границы Украинской ССР, имея задачу упорной обороной полевых укреплений по госгранице укрепленных районов не допустить вторжения как наземного, так и воздушного противника на территорию округа; прочно прикрыть от мобилизации, сосредоточение и развертывание войск округа. Попытки врага прорвать оборону намечалось отражать контратаками и контрударами корпусных и армейских резервов с использованием мехкорпусов и авиации. Боевые действия планировалось перенести на территорию агрессора. Исходя из этой задачи, создавалась и готовилась группировка сил и средств, оборудовался театр военных действий, в т. ч. и в отношении связи.

ЗапОВО был одним из сильнейших военных округов ВС СССР и по своему составу уступал лишь Киевскому.

В состав округа входило 24 стрелковых, 12 танковых, 6 моторизованных, два кавалерийских и восемь авиационных дивизий, три воздушно-десантные бригады, девять укрепленных районов, несколько отдельных воинских частей и учреждений. В округе насчитывалось около 672 тыс. человек, 10 087 орудий и минометов (без 50-мм), 2201 танк (в том числе 383 KB и Т-34) и 1909 самолетов (из них 424 новых). Это составляло четверть войск, сосредоточенных в западных округах. На тылке Западного и Киевского особых военных округов базировалась Пинская военная флотилия (2300 моряков). Кроме того, на страже западных

рубежей стояли 11 пограничных отрядов, насчитывающих 19 694 человека.

Серьезным недостатком в системе управления округа и армий к началу войны являлась неуккомплектованность штабов личным составом, средствами связи и транспортом по штатам военного времени. Войска округа находились в стадии организационных мероприятий, формировалось пять танковых, воздушно-десантный корпус. Офицерский состав в основном руководил работами по оборудованию мест постоянной дислокации и формированию частей и соединений. Согласно плану оперативной подготовки, отработку вопросов организации армейской наступательной операции надлежало завершить к 1 июля, а оборонительной — к 1 ноября 1941 года.

Из шести создаваемых мехкорпусов почти полностью имел материальную часть только 6-й. Остальные пять были укомплектованы на 5–50% танками БТ и Т-26, которые подлежали замене машинами новых конструкций. Четыре из восьми танковых дивизий, находившихся в армиях прикрытия, были недоукомплектованными. Три из четырех моторизованных дивизий не имели танков, автотранспорта и средств тяги для артиллерии. 17-й и 20-й мехкорпуса фактически были без танков. Большое количество техники в составе мехкорпусов, её разнотипность (в 6 мк было 11 типов танков) создавала трудности в управлении столь громоздкими соединениями, особенно в условиях высокоманевренных действий. Обеспеченность тыловых органов транспортом составляла 40–45%.

Округ испытывал настоящий кадровый голод. В 1937–1938 гг. часть кадров была подвержена репрессиям. На их место буквально накануне войны пришли генералы и офицеры, не имевшие достаточных навыков в руководстве крупными соединениями и оперативными объединениями в условиях войны. Более того, у многих из них была подавлена инициатива и появилась боязнь ответственности за последствия своих действий. Укомплектованность личным составом варьировалась от 37 до 71% штата военного времени. Одной из основных причин образовавшие-

гося значительного некомплекта стало откомандирование рядового и сержантского состава по директиве штаба округа на укомплектование новых частей в авиации и автобронетанковых войсках. А управление 13-й армии начало формироваться в первой половине мая 1941 года. На 21 июня оно было укомплектовано личным составом на 40%, техникой — на 20%, а обс на 29%. При этом он должен был еще и выделить кадры для формирования одного олбс и двух окшр согласно мобплану.

Штаб округа находился в Минске. В 200 км от него, в районе Волковыска, был оборудован полевой пункт управления с небольшим узлом связи. Связь округа обеспечивали опс, 4 олбс, 3 тэб, 8 тср 5 кшр, склад и мастерская. В нем было 10 радиостанций и 57 телеграфных аппаратов. В каждой армии имелся обс, четыре кшр, два отср, один отэр. На окружные и армейские полки и батальоны мирного времени возлагалось формирование от восьми до 14 фронтовых, армейских и запасных частей связи.

Обеспеченность соединений округа радиостанциями составляла: армейскими и аэродромными — 27%, корпусными и дивизионными — 7%, полковыми — 41%, батальонными — 58%, ротными — 70%, аппаратами (телеграфными на 56, телефонными — на 50%), кабелем (телеграфным — на 20, телефонным — на 42%). Еще ниже была обеспеченность средствами радиосвязи автобронетанковых войск. Так, штаб 11-го мехкорпуса имел всего лишь одну радиостанцию 5АК, что не могло обеспечить устойчивую связь со своими дивизиями и частями. В танковых соединениях имелось только небольшое количество оснащенных радиосвязью танков, да и те были неравномерно распределены между частями. Находившиеся на вооружении маломощные радиостанции (6ПК, 5АК, 71ТК, РСБ) обладали низкими ТТД. Например, дальность действия радиостанции 5АК не превышала 25 км, да и то при работе на месте, 71ТК — 7–8 км в движении.

Для связи с армиями в округах создавалась радиосеть фронта, в армиях — радиосети для связи с корпусами, укрепленными районами, авиационными дивизиями.

Для каждой радиосети были определены рабочие и запасные частоты, позывные и парольные сигналы. Недостатком являлось то, что радиосвязь планировалась только по одному каналу — командира; сетей начальника штаба, начальников разведки, тыла, артиллерии — не организовывалось.

Командиры избегали пользоваться радиосвязью, предпочитая связь проводную. Внутренняя радиосвязь в подразделениях боевой авиации, в аэродромной сети, в танковых подразделениях и частях, где проводная связь вообще неприменима, осуществлялась недостаточно четко.

Проводная связь в войсках осуществлялась с помощью телеграфных аппаратов Бодо, СТ-35, Морзе, которые обеспечивали практический обмен от 400 до 3500 слов в час. Телефонные аппараты обеспечивали дальность связи от 20 до 500 километров.

Связь штабов базировалась, в основном, на постоянных телефонных и телеграфных линиях Наркомата связи (НКС) СССР, что было явно недостаточно. Так, штаб 4 армии имел с Минском и гарнизоном Пинска постоянную военную связь, а по проводу НКС только с управлением 28 стрелкового корпуса, 6 и 42 стрелковыми дивизиями. Для связи с гарнизонами Пружан, Березы-Картузской, Волчина и Малориты на 1–2 часа в сутки использовались арендованные провода НКС. Намечалось строительство еще нескольких постоянных линий связи с аэродромами и местами дислокации частей ПВО, но эти решения так и остались неосуществленными.

Большая неуккомплектованность табельными средствами и необходимыми материалами значительно снижала возможности связистов. Начальник штаба ЗапОВО 18 июня 1941 г. доложил в Москву: *«Наличные запасы материалов в органах НКС на территории округа крайне недостаточны для обеспечения работ по постройке, восстановлению и развитию телеграфно-телефонных линий на военное время. Проведение только одной фронтальной операции потребует минимумально: проволоки железной — 2500 т, крючьев — 400 000 штук, изоляторов — 117 000 штук».*

Таким образом, связь ЗапОВО к началу войны ни организационно, ни материально не была в полной мере подготовлена к ведению боевых действий, и система управления войсками большей частью не отвечала предъявляемым к ней требованиям.

22 июня 1941 г. в 1 ч. 45 мин штаб ЗапОВО получил шифровку с приказанием о немедленном приведении войск в боевую готовность на случай отражения ожидавшегося с утра нападения. В 2 ч 25 мин аналогичное распоряжение было отдано армиям и укрепленным районам. Однако заброшенные в тыл диверсионные группы противника после 2 часов нарушили проводную связь. К утру она прервалась со всеми армиями. Кроме того, в них и радиостанции оказались уничтоженными или поврежденными. Это осуществлялось парашютными десантами различного состава, например — в районе Радуни и Начи действовал десант в количестве до 1000 человек. До разных армий директива дошла в разное время, так как проводная связь была уже выведена из строя. Штаб 4 армии получил ее в 03. 30, 10 армии — в 16. 00 22 июня, 13 армии — только в 21.00 24 июня. 3 армия вообще не смогла ознакомиться с этой директивой, так как связь не была восстановлена.

По мере восстановления связи по телеграфу в войска передавалось распоряжение Военного совета фронта о приведении в боевую готовность. Но в армиях его получили слишком поздно, там успели только расшифровать приказания и отдать отдельные распоряжения. Нужно сказать, что шифры и кодовые таблицы были чрезвычайно сложные, и требовалось много времени на обработку оперативных документов. Поэтому нередко командиры (командующие) распоряжения в войска отдавали открытым текстом, что и использовал противник. Нарушение связи в ответственный момент и ограниченность времени в передаче распоряжений не дали возможности штабам довести сигнал боевой тревоги до большинства соединений, и многие из них не заняли заблаговременно рубежи обороны. Все же некоторые командиры, не боясь ответственности, подняли по тревоге подчиненных.

Однако командование фронта имело указание наркома обороны «не поддаваться ни на какие провокационные действия». Лишь через полтора часа оно убедилось, что началась война. В 5 ч 25 мин комфронта генерал армии Д. Г. Павлов отдал войскам 3, 10 и 4 армий боевое распоряжение: *«Ввиду обозначившихся со стороны немцев массовых военных действий приказываю: поднять войска и действовать по-боевому»*. Но данный приказ запоздал — многие соединения и части армий прикрытия уже вели боевые действия.

Еще хуже обстояло дело с соединениями второго эшелона. Так, 17 механизированный корпус был поднят по тревоге штабом округа в 5 ч 45 мин. О начале же военных действий его воины узнали после выступления В. М. Молотова (12. 15) по радио, несмотря на то, что связь со штабом фронта работала. Задача же корпусу была поставлена лишь вечером.

Война застала войска округа в стадии от мобилизации. Вместе с ними пополнялись и органы управления, что не могло не сказаться на их деятельности. Более того, в первые часы войны в результате действий диверсионных групп погибли многие офицеры и от целенаправленных ударов авиации пострадал личный состав частей связи. Так, обс 14-го мехкорпуса от бомбардировок противника утром 22 июня потерял 70% своего состава, а штаб корпуса остался в 20% комплекте от штатной численности.

Не приняли в первые часы войны самостоятельных решений, кроме приведения войск в боеготовность, и командующие и штабы армий. Убедившись, что агрессия началась, они стремились претворить в жизнь планы прикрытия госграницы, которые уже не соответствовали сложившейся обстановке. Из-за потери управления штаб фронта не знал истинного положения своих войск, масштабов боевых действий. Это не позволяло правдиво информировать Генштаб о состоянии дел в его полосе. Вечером 22 июня нарком обороны потребовал от войск фронта перейти в наступление с целью разгрома вклинившейся группировки врага и перенесения боевых действий на его террито-

рию. Генерал армии Д. Г. Павлов принял решение и отдал приказ войскам, который уже не соответствовал действительности, а в условиях потери управления до многих штабов задача доведена не была.

24 июня командующий 3 армией генерал-лейтенант В. И. Кузнецов доносил: *«...линии на Волковыск, Лиду капитально разрушены, и восстановить их своими средствами не могу. Имею для связи со штабом фронта только одну радиостанцию. Ориентировки фронта не имею в течение двух суток»*. Не знал командующий и о том, что делается на флангах, так как связь с 11-й армией Северо-Западного фронта и с 10-й армией отсутствовала. В результате, несмотря на героическое сопротивление войск Западного фронта, противник к 6 часам 22 июня продвинулся на 4–5 км. Командующий 4-й армией генерал-майор А. А. Коробков докладывал: *«Связь и управление войсками... чрезвычайно затруднены ввиду полного отсутствия проволочной связи и недостатка (в связи с потерями) в радиосредствах связи и в подвижных средствах»*. Начальник связи 13 армии полковник И. Ф. Ахременко впоследствии вспоминал: *«начало Отечественной войны застало радиосвязь в армейском звене совершенно бессистемной: ни централизованных радио-данных, ни указаний по организации радиосвязи от штаба Западного военного округа...»*.

Таким образом, 22 июня командующий и штаб фронта потеряли организованное управление войсками. Это произошло потому, что противник, заблаговременно располагавший данными о размещении пунктов управления, узлов и линий связи, сумел значительную часть их вывести из строя первыми ударами авиации. Узлы связи и, особенно, линии связи, охрана которых была организована неудовлетворительно, выводились из строя вражеской агентурой и различными диверсионными группами.

В создавшихся условиях начальник штаба фронта принимал все зависящие от него меры для установления связи с войсками и налаживания управления ими. Однако значительные потери средств связи в первые же часы

войны, трудности их восполнения, систематические повторные удары противника по штабам, узлам и линиям связи срывали все мероприятия по восстановлению связи с войсками.

Не изменилось положение и 23 июня. Соединения, предназначенные для контрудара, были разбросаны во всей полосе фронта. Отсутствие твердого и непрерывного управления не позволило собрать их и нанести по вклинившемуся противнику сосредоточенный удар. Связь, как и в первый день войны, работала нерегулярно, с большими и длительными перерывами. Лишь кратковременно она восстанавливалась по радио с 3 и 10 армиями.

В ночь на 24 июня командующий фронтом уточнил задачи войскам. Он решил вводом резервов на обоих крыльях и одновременным контрударом двух мехкорпусов из района Гродно на север против 3 танковой группы врага создать перелом в ходе боевых действий в свою пользу. Однако это решение не соответствовало обстановке: корпуса к этому времени понесли большие потери, не имели связи с отходившими соединениями и соседями, авиационного прикрытия. Более того, в ходе подготовки операции со стороны ряда работников штаба, управлений Западного фронта и отдельных командующих армиями и командиров соединений отмечались случаи ведения переговоров открытым текстом по важным вопросам, без применения шифра и таблиц. При этом назывались должностные лица и части. Такое использование технических средств связи позволяло противнику подслушивать переговоры и быть в курсе намечавшихся действий наших войск.

С утра 24 июня вражеская авиация начала бомбардировку Минска. Было попадание и в штаб округа, где находилось командование фронта. В связи с этим принимается решение о переезде его на КП в район Боровой. Его перебазирование туда еще больше затрудняло управление, так как оборудованного узла связи там не имелось. Попытки восстановить потерянное управление через делегатов связи с использованием подвижных средств (самолетов У-2, СБ, бронемашин, легковых

автомобилей) не дали положительных результатов: во-первых, фронт не располагал заблаговременно выделенными подвижными средствами, их приходилось изыскивать в ходе боевых действий; во-вторых — авиация противника уничтожала эти средства как в воздухе, так и на земле. Принимались меры и по линии командующего пограничными войсками НКВД БССР, которому предписывалось: *«через пограничников, хорошо знающих местность, установить связь, обеспечить взаимную информацию и получение директив и приказаний штаба фронта 50 сд, 21 ск, штабу 3 А, группе войск в Беловежской пуще и 75 сд».*

Командующий фронтом продолжал отдавать одно за другим боевые распоряжения, в которых не учитывалась реальная обстановка, сложившаяся с первого дня войны. Кроме того, штаб фронта не знал, доведены ли они до войск. Так, в 15 ч 40 мин 25 июня командиру 6 мехкорпуса отдается приказ выйти из боя и форсированным маршем сосредоточиться у Слонома. Одновременно командующим 3, 4, 10 и 13 армиями директивой предписывается отойти с занимаемых рубежей не позднее 21 часа. Получены ли эти распоряжения подчиненными, штаб фронта не знал.

Все это и предопределило неудачный исход боевых действий в период отступления. Быстрый отрыв главных сил армий не получился. Уже к исходу 28 июня враг отрезал пути отхода советских войск, находившихся в белостокском выступе. На следующий день он окружил левофланговые соединения 10 армии юго-восточнее Волковыска, до 11 дивизий 3, 4 и 13 армий в районе Минска. Отрезанные от остальных сил фронта, лишенные централизованного управления и связи, окруженные войска продолжали сражаться до 8 июля, сковав около 25 дивизий — почти половину группы армий «Центр».

Это поражение было предопределено самой дислокацией войск округа. Свыше половины его войск дислоцировалось в районе Белостока и западнее, то есть на территории, которая глубоко вклинивается в территорию вероятного противника. Такая дислокация была бы оправдана только

в одном случае, если бы эти войска были предназначены к внезапному переходу в наступление. В противном случае они сразу оказывались в условиях полуокружения. Противнику стоило лишь нанести встречные удары у основания вклинения, и окружение становилось полным. Получается, что сами загнали эти войска в мешок.

Потеря управления войсками, незнание истинного положения дел, а отсюда и поспешность в принятии решений, часто необоснованных и невыполнимых, отсутствие контроля за исполнением отданных распоряжений — свидетельствуют о растерянности командования фронта, неспособности управлять объединениями (соединениями) в сложной боевой обстановке.

Война застала штаб 13-й армии и его 675-й обс в пути следования железнодорожными эшелонами в район Новогрудок, где был оборудован КП. Затем он был перенацелен в район Молодечно с задачей принять управление подходящими соединениями второго эшелона фронта. Начальник связи армии полковник И. Ф. Ахременко с большим опозданием узнал об этом. Туда он прибыл к 18 часам 23 июня, не имея ни войск в распоряжении, ни поставленных фронтом задач. Только в 21.00 24 июня штаб получает распоряжение, в котором были определены состав армии и задача на наступление. Но где эти соединения и их штабы — не указывалось, не определялся также и срок начала отступления.

В отношении проводной связи этот район подготовлен не был, а для поддержания радиосвязи штаб армии не располагал радиоданными. Командарм в 22 ч 30 мин через делегатов связи направляет боевой приказ и радио-данные подчиненным. Управление армии с 2.00 25 июня перемещается на новый КП, где на рассвете в районе 2 км севернее Городка оно, не имея подразделений охраны и плохо зная обстановку, было атаковано танками противника. 675 обс, героически защищая штаб, лишился 50% личного состава и почти всего имущества. Удалось спасти лишь несколько радиостанций и секретные документы отдела связи. Остатки штаба батальона, разбившись на две группы, отходили

в район Ждановичей, где командующий 13-й армией организовал КП и к 8 часам 25 июня установил радиосвязь с 21 стрелковым корпусом, 50 стрелковой дивизией и 84 полком НКВД. Не получая указаний фронта, командарм подчинил действующие здесь части 44 и 2 стрелковых корпусов, до этого никем не управляемые. Радиосвязь с ними и с подчиненными дивизиями поддерживалась с помощью одной радиостанции, прямая проводная связь осуществлялась только с 44 стрелковым корпусом. Проводную связь со штабом фронта до 30 июня установить не удалось, так как магистральные проводные линии вокруг Минска были разрушены авиацией противника.

Наибольшую дезорганизацию в работу штаба фронт внес и отъезд утром 22 июня Павлова в войска. Он шесть суток отсутствовал на КП фронта, находясь в войсках. Жуков и Сталин в течение этих шести суток не могли с ним связаться. На их вопросы: «Где командующий?» начальник штаба генерал-майор Климовских отвечал: «Командующий в войсках». А где именно, он и сам не знал. Желание хоть как-то исправить обстановку на фронте вынудили Павлова выехать в район Барановичей и лично руководить войсками на Слуцко-Бобруйском участке. Он стянул туда достаточно войск, прилагал все, чтобы закрыть образовавшуюся там брешь, но сил и средств явно не хватало. Понимая свою ошибку в неверном определении направления главного удара противника — через Барановичи на Минск, а не вдоль старой Варшавско-Московской дороги через Слуцк на Бобруйск и дальше на Москву, он, наверное, понимал свое бессилие в отражении этого удара.

Павлову, в полном объеме не владеющему информацией о состоянии войск фронта, нечего было докладывать, поэтому он и не выходил на связь с вышестоящими инстанциями. За него от его имени это делали его подчиненные — начштаба фронта Климовских и начальник оперотдела штаба фронта генерал-майор Семенов. Они направили боевые донесения начальнику Генштаба в 7.00, 10.00, 13.00, 18.00 22 июня. За их подписью направлялись и боевые

распоряжения войскам фронта, при этом 22 июня было только одно распоряжение командующего фронтом — в 5.25, а последующие (13.40, 13.55, 15.45) уже были распоряжениями штаба фронта, но от имени командующего.

22 июня в 23.40 Павлов переговорил со своим заместителем генерал-лейтенантом Болдиным о создании ударной группы под его руководством.

23 июня в 0.38 отдано боевое распоряжение командарму 3 армии на оборону Гродно, но подпись на документе Павлова отсутствует (стоит подпись Климовских). Нет его подписи и на боевых распоряжениях командармам 10 и 3 армиям, отданных 23 июня. На оперативной директиве командарму 13 армии и боевых распоряжениях командующему ВВС фронта, отданному 24.06. в 7.35 и 9.10, есть его подпись.

В течение 23–24.06 боевых донесений начальнику Генштаба не отправлялось, 25.06. в 16.45 оно было направлено от имени Климовских, но за подписью начальника оперативного отдела Семенова. Следующее боевое донесение было отправлено только 29.06. в 23.45. Последнее боевое распоряжение войскам фронта Павлов направил 30 июня.

26 июня около 4 часов утра, получив ложную информацию о прорыве 1000 танков противника в направлении Заславль-Минск, Д. Г. Павлов принял решение переместить штаб из Борового в Бобруйск, который до этого момента не фигурировал как возможное место последующего КП и не был подготовлен в отношении связи. Более того, когда начальник связи фронта генерал-майор А. Т. Григорьев прибыл со средствами связи в Бобруйск, то, вопреки ранее принятому решению, местом штаба был избран Могилев. Это решение Павлов принял на марше после выезда из Борового. В результате Григорьев с большим опозданием со средствами связи прибыл в Могилев, где к утру 27 июня сосредоточились все штабные службы. Штабы армий и корпусов об этом не были осведомлены и тщетно искали штаб фронта под Бобруйском. Такое необоснованное перемещение штабного управления привело к потере управле-

ния и полной дезорганизации войск.

Войска фронта, оборонявшие каждый клочок родной земли, более суток были предоставлены сами себе и, по существу, не управлялись штабом фронта, оторвавшимся от них почти на 500 километров.

Как показали боевые действия, ПУ фронта и армий явились слабым звеном в системе управления войсками. ПУ армий находились на значительных расстояниях от штаба фронта и соединений. Так, например, штаб 4 армии к исходу 22 июня дислоцировался в 50 км от передовой. Такая же картина наблюдалась и в 10 армии: после перемещения ее ПУ в район Вавилы отрыв от частей и соединений первого эшелона составлял свыше сотни километров. Штаб фронта находился в Минске на не достигаемом для армейских радиостанций расстоянии. Его ВПУ, не имея узла связи, не мог оказать влияния на ход сражения.

Вообще о состоянии связи в Западном фронте столько наведено теней на плетень, что неспециалисту трудно разобраться. При этом многие авторы находят различные смягчающие или усугубляющие обстоятельства донесения или отсутствия связи. Утверждение, что командующий Западным фронтом Д. Г. Павлов и штаб фронта не имели связи с подчиненными войсками, является лукавым. Об этом свидетельствует достаточно фактов, значительная часть из которых уже изложены в одной из статей этого сборника (В. Хохлов «Войска связи в Великой Отечественной войне: цифры и факты»).

Однако фактом является и то, что обеспечить проводную связь своими силами фронты и армии не могли, так как для этого не хватало ни людей, ни средств. Формирование органов полевой связи и частей НКС проходило крайне медленно. В западных областях Белоруссии в силу их оккупации отмотобилизовать формирования НКС не удалось, за исключением Витебска и Могилева. Из-за не отработанной до конца приписки личного состава, особенно формирований НКС, явка отмотобилизованных проходила неудовлетворительно, и сроки раз-

вертывания срывались. К месту службы формирования прибывали с большим опозданием, имея значительный некомплект имущества связи и слабо подготовленный личный состав. Так, линейные части НКС (отср и отэр) прибыли на фронт только 4 июля.

Вследствие срыва отмотобилизования начальник связи фронта не получил положенного ему комплекта частей и подразделений связи, а имевшиеся полки и батальоны связи вынуждены были действовать в том составе, в каком застала их война. Полевые управления армий первого эшелона вынуждены были руководить оперативным развертыванием, имея лишь один батальон связи вместо положенных по штату военного времени опс, два обс и девять орс. В таком же состоянии находились полевые управления фронтов. Они также не были укомплектованы и действовали без предусмотренных на военное время частей связи. Фронтные части связи по мобплану могли быть готовы к выполнению своих задач не ранее 28 июня 1941 года.

В связи с неустойчивостью проводной связи, малой пропускной способностью радиосвязи или ее отсутствием по тем или иным причинам можно и нужно было задействовать подвижные средства, но Управление связи округа до объявления войны их не имело. Существовавшая по мобпланам рота подвижных средств связи была укомплектована только личным составом, приписанным из запаса, материальная часть роты отсутствовала. В результате чего это подразделение не могло быть использовано по назначению. Начальник отдела подвижных средств капитан Макаров добился через АБТУ фронта права задерживать по дорогам автомашины, принадлежавшие народному хозяйству, оформлять их приобретение через Могилевский облвоенкомат. Только с 24 июля Управлению связи фронта было придано пять самолетов типа ПС-5 из ГВФ, которые обеспечивали связь один раз в сутки к армиям, расположенным на флангах. Лишь 1 августа была сформирована 126 отд. Авиэскадрилья связи в составе девяти самолетов У-2 и двух самолетов УТ. В этом ли вина связистов, что их не обеспечили со-

ответствующим автотранспортом и самолетами связи?

Вина военных связистов заключается в недостаточной опытности частей связи по самостоятельному использованию местных проводных средств связи, а также в отсутствии хорошей их сработанности с местными органами НКС. В начальный период войны взаимодействие с ними было явно недостаточным. Начальники же областных управлений связи и руководящие работники их аппарата не отрешились от условий мирного времени и не сумели в большом объеме своей работы найти главное звено — обеспечение оперативной связи войск.

В обстановке, сложившейся на Западном фронте, необходимо было обеспечить непрерывное управление во время приграничных боев, отхода войск и проведения ими оборонительных операций на многочисленных рубежах, а также при нанесении контрударов, что в условиях нарушения противником проводной связи являлось весьма сложным делом в тот период.

Два первых должностных лица этого фронта не уделяли должного внимания вопросам организации связи, а только требовали ее предоставления. По сути, они не руководили службой связи. Командующий фронтом Павлов уехал в войска и шесть суток отсутствовал. Начальник штаба фронта Климовских по существу руководил фронтом, подписывая боевые распоряжения и приказы за Павлова, физически и морально был истощен — ему было не до указаний начальнику связи фронта Григорьеву о предстоящих операциях, их этапах, времени и возможных изменениях их проведения.

Разгром войск Западного фронта во многом стал возможен потому, что части 128 стрелковой дивизии (11 армия) Северо-Западного фронта, находившейся на стыке с Западным фронтом, не выдержали превосходящих сил танковых соединений вермахта. Ситуацию мог бы спасти 29 стрелковый корпус, сформированный на базе частей бывшей Литовской армии, но его личный состав с оружием в руках разбежался по лесам. Поэтому командование этого фронта не сумело создать груп-

пировку для ликвидации прорыва на своём левом крыле, в стыке с войсками Западного фронта. Третья танковая группа и три механизированные дивизии плюс четыре пехотные соединения ударили во фланг 3 армии Западного фронта.

По мнению Маршала Советского Союза И. Х. Баграмяна *«И дело было не только в сложности создавшейся обстановки и в острой нехватке технических средств связи, но и в отсутствии должного опыта у штабов в управлении войсками в боевых условиях»*. А и откуда он мог взяться, если недостаточно были разработаны вопросы управления в оперативно-стратегическом звене, организация взаимодействия родов войск? Особенно ярко это проявилось при внезапном начале войны, ведении стратегической обороны, отступлении и боевых действиях в окружении. В мирное время слаживание органов управления, а также сил и средств связи, в оперативно-стратегическом звене не проводилось. Не отрабатывались вопросы обеспечения связи Генштаба по планам развертывания Вооружённых Сил, не было сделано обоснованных выводов в отношении подготовки театров военных действий по связи. Командиры и штабы всех степеней слабо знали средства связи, способы организации управления, не имели практических навыков в их использовании. На проводимых учениях местные радиостанции для военной связи практически не использовались, а система радиосвязи НКС в соответствии с мобилизационными планами еще не была готова.

Наряду с проблемами связи не на должном уровне оказались и другие важнейшие функции управления. Отсутствие поддерживающей авиации и зенитных средств оставляло войска и штабы, их пункты управления совсем незащитными от авиации противника, что вело к его потери и дезорганизации. Аэрофотосъемка, радиоразведка, радиолокация обеспечили люфтваффе господство в воздухе. Для создания новых оборонительных рубежей и организации противотанковой обороны войска не имели ни времени, ни опыта, ни средств, в том числе саперных и инженерных.

Одной из причин неудач явилось и отсутствие организованного тыла всех уровней, его неспособность предоставить необходимое количество автотранспорта (укомплектованность 40–45%) для регулярного и планомерного снабжения войск, эвакуации раненных и больных. Успехи немецкой армии летом 41-го — значительное преимущество в ее подвижности, превышающие в 3,3 раза возможности Красной армии. Недостающие машины и тракторы планировалось отправить в армию во время мобилизации, но далеко не все дивизии получили положенный им по штату транспорт. Вследствие этого мехкорпуса вступали в бой без поддержки пехоты и артиллерии, отставших на марше из-за недостатка машин и тягачей и малой скорости имевшихся машин.

Сочетание массированного применения диверсионных групп в тылу наших войск с хорошо скоординированными действиями сухопутных войск и ударов авиации позволило танковым и механизированным войскам вермахта, прежде всего, нарушить систему управления войсками, создать во многих случаях хаос и панику, оказать мощное психологическое воздействие на личный состав Красной Армии и население. Беспорядочные потоки отходивших одиночек и групп невооруженных рабочих, строительных организаций из Брестского укрепленного района, населения и семей военнослужащих заполнили все шоссе и основные грунтовые дороги, которые находились под непрерывным воздействием авиации противника или, как Минское и Могилевское шоссе, были отданы ему. В результате отход войск с боями проходил по лесам, болотистым местам, по бездорожью. Противник ночью, как правило, прекращал боевые действия и отдыхал, наши же войска использовали ночь для отрыва от него, перегруппировок и организации обороны на новых рубежах и поэтому отдыха не имели. Отходы доходили до 70 км в сутки, в виду чего люди и лошади изматывались, управление войсками прерывалось на целые сутки и больше. Штабы армий не знали, где их дивизии, те, в свою очередь, не знали, где их части, а штабы

полков не знали, где их батальоны. Управление войсками затруднялось еще и тем, что их командиры не всегда имели карты, больше ориентировали по опросам местных жителей. Также штабы не всегда настойчиво искали и устанавливали связь с частями, попавшими в окружение, бросали их на произвол судьбы, считая, что они как-нибудь сами выйдут из окружения. Начиная от командира отделения и выше, не было строгого учета и персональной ответственности за своих людей, оружие, материальную часть, боеприпасы.

Таким образом, уже первые бои показали, что система управления Западного фронта не отвечала требованиям вооруженной борьбы, не обеспечивала наиболее эффективное использование имеющихся сил и средств.

К числу важнейших причин, предопределивших поражение войск Западного фронта, относятся незавершенность запланированных накануне войны организационных мероприятий (формирование мехкорпусов и войск ПВО, перевооружение авиации и др.), подготовка ТВД (строительство укрепрайонов на новой госгранице, реконструкция железных дорог, подготовка аэродромной сети, системы связи, тыловых складов и баз) и многие другие.

Серьезными причинами потери управления явились низкая боевая готовность войск и штабов, неопределенность оперативно-тактических задач, поставленных войскам (наступление и оборона), неотмобилизованность частей связи, их потери от 50 до 100%. Кроме того, командующие (командиры) и штабы оказались не в состоянии в ограниченное для изучения и оценки обстановки время принять обоснованное решение, довести его до подчиненных и организовать взаимодействие. Решения часто принимались без необходимых разведданных о противнике и сведениях о своих войсках, без тщательного анализа обстановки и сковывались всевозможными запретами «до особого распоряжения».

Штабы оказались неподготовленными организовать и поддерживать непрерывное управление войсками и вынуждены были

перестраивать работу в сложной обстановке начала войны. Полученные от вышестоящего штаба боевые задачи немедленно доводились до войск без соответствующего планирования и обеспечения. В последующем они неоднократно уточнялись, а зачастую менялись. Это приводило к тому, что объединения и соединения вступали в бой в весьма невыгодных для них условиях и не выполняли поставленных задач. При этом ряду соединений приказы отдавать было просто некому — по причине отсутствия вышестоящих органов управления (13 мехкорпус, 113, 49 стрелковые дивизии). 155 стрелковая дивизия была разгромлена не потому, что вовремя не получила приказа на оборону Слонима, а потому, что такой приказ не был отдан. 17 мехкорпусу также никто никаких разумных приказов не отдавал. 6 мехкорпус отданный командованием Западного фронта приказ на отход получил, но проблема была не в доставке приказа, а в том, что издан он был слишком поздно. Радиосвязь во многих случаях не использовалась не потому, что не было радиостанций, а потому, что в период сосредоточения войск предписывалось радиомолчание (как, кстати говоря, и у немцев). Об этом впоследствии старательно умалчивалось.

КП штабов всех степеней к работе в полевых условиях подготовлены не были. Сложная обстановка в начале войны вынуждала командование фронта и армий часто менять ПУ и перемещать их на значительные расстояния. При этом районы размещения выбирались случайно и заблаговременно не готовились. Перемещение ПУ на новое место заранее не планировалось и, соответственно, осуществлялось неорганизованно. Часто еще до прибытия в назначенный район принималось решение на размещение их в другом, и подчиненные штабы об этом в известность не ставились.

Много времени отнимала на новых КП фронта организация связи. Так, за период с 22 по 30 июня она вновь создавалась в пяти различных районах при наличии в штабе фронта одного полка связи. Все это приводило к потере управления войсками.

Разрушения проводной связи на большей части Западной Белоруссии, отсутствие ее резервов, уничтожение значительной части средств связи армейских и корпусных батальонов связи, отсутствие радиосвязи или неумение ею пользоваться, ограниченное количество радиосредств, большой отрыв штабов от войск привели к потере управления. Отсутствие опыта организации радиосвязи и использования ее штабами, особенно при отходе и маневренной обороне, тяжело отражалось на управлении войсками. Серьезным недостатком были частые нарушения радиосвязи, вызываемые отсутствием четко разработанной системы перехода радиосредств при перемещении штабов. Проводная связь фронта с подчиненными войсками была организована лишь к 4 июля 1941 г., когда его КП переместился в Гнездово.

Вместе с тем войска Западного фронта, вынужденные отходить на восток, упорным сопротивлением, поддерживаемые авиацией, нанесли ощутимый урон группе армий «Центр», замедлили темпы наступления, дали возможность развернуть войска второго стратегического эшелона на рубеже р. Западная Двина, Днепр.

Опыт начального периода Великой Отечественной войны со всей убедительностью показал, что решить боевые задачи невозможно, если структура органов управления, пунктов управления, системы связи, их готовность, оснащенность и функционирование не будут соответствовать объективным законам вооруженной борьбы и условиям ведения операций. Нельзя научиться решать свои задачи новыми приемами сегодня, если вчерашний опыт не открыл глаза на неправильность старых приемов.